

WORLD CLASSICS BOOKS

АНДРЕЙ
БЕЛЫЙ

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Серебряный голубь / А. Белый. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 398 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76764-9

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Николая Рериха «Шамбале Лам», Государственный музей и художественная галерея города Чандигарх, Индия.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76764-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СЕЛО ЦЕЛЕБЕЕВО	6
ГЛАВА ВТОРАЯ. ГОРОД ЛИХОВ	51
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВСПОМНИЛ ГУГОЛЕВО!	93
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАВАЖДЕНИЕ	173
ГЛАВА ПЯТАЯ. НА ОСТРОВКЕ	217
ГЛАВА ШЕСТАЯ. СЛАДОСТНЫЙ ОГНЬ	271
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕТВЕРТЫЙ	335

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая повесть есть первая часть задуманной трилогии «Восток или Запад»; в ней рассказан лишь эпизод из жизни сектантов; но эпизод этот имеет самостоятельное значение. Ввиду того, что большинство действующих лиц еще встретятся с читателем во второй части «Путники», я счел возможным закончить эту часть без упоминания о том, что случилось с действующими лицами повести — Катей, Матреной, Кудяровым — после того, как главное действующее лицо, Дарьяльский, покинул сектантов.

Многие приняли секту голубей за хлыстов; согласен, что есть в этой секте признаки, роднящие ее с хлыстовством, но хлыстовство как один из ферментов религиозного брожения не адекватно существующим кристаллизованным формам у хлыстов; оно — в процессе развития; и в этом смысле голубей, изображенных мною, как секты не существует; но они — возможны со всеми своими безумными уклонами; в этом смысле голуби мои вполне реальны.

А. Белый
1910 года. 12 апреля. Бобровка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ СЕЛО ЦЕЛЕБЕЕВО

НАШЕ СЕЛО

Еще, и еще в синюю бездну дня, полную жарких, жестоких блесков, кинула зычные блики целебеевская колокольня. Туда и сюда заерзали в воздухе над нею стрижи. А душный от благовонья Троицын день обсыпал кусты легкими, розовыми шиповниками. И жар душил грудь; в жаре стекленели стрекозиные крылья над прудом, взлетали в жар в синюю бездну дня, — туда, в голубой покой пустынь. Потным рукавом усердно размазывал на лице пыль распаренный сельчанин, таща на колокольню раскачать медный язык колокола, пропотеть и поусердствовать во славу Божью. И еще, и еще клинькала в синюю бездну дня целебеевская колокольня; и юлили над ней, и писали, повизгивая, восьмерки стрижи.

Славное село Целебеево, подгородное; среди холмов оно да лугов; туда, сюда раскидалось домишками, прибранными богато, то узорной резьбой, точно лицо заправской модницы в кудряшках, то петушком из крашеной жести, то размалеванными цветиками, ангелочками; славно оно разукрашено плетнями, сачками, а то и смородинным кустом, и целым роем скворечников, торчащих в заре на согнутых метлах своих: славное село! Спросите попадью: как приедет, бывало, поп из Воронья (там свекор у него десять годов в благочинных), так вот: приедет это он из Воронья, снимет

рясу, облобызает дебелиую свою попадьиху, оправит подрясник и сейчас это: «Схлопочи, душа моя, самоварчик». Так вот: за самоварчиком вспотеет и все-непременно умилился: «Славное наше село!» А уж попу, как сказано, и книги в руки; да и не таковский поп: врать не станет.

В селе Целебееве домишки вот и здесь, вот и там, и там: ясным зрачком в день косится одноглазый домишко, злым косится зрачком из-за тощих кустов; железную свою выставит крышу — не крышу вовсе: зеленую свою выставит кикую гордая молодлица; а там робкая из оврага глянет хата: глянет — и к вечеру хладно она туманится в росной своей фате.

От избы к избе, с холма да на холмик; с холмика в овражек, в кусточки: дальше больше; смотришь — а уж шепотный лес струит на тебя дрему; и нет из него выхода.

Посередь села большой, большой луг; такой зеленый: есть тут где разгуляться, и расплясаться, и расплакаться песеню девичьей; и гармошке найдется место — не то что какое гулянье городское: подсолнухами не заплюешь, ногами не вытопчешь. А как завьется здесь хоровод, припомаженные девицы в шелках да в бусах, как загикают дико, а как пойдут ноги в пляс, побежит травная волна, заулюлюкает ветер вечерний — странно и весело: не знаешь, что и как, как странно, и что тут веселого... И бегут волны, бегут; испуганно побегут они по дороге, разобьются зыбким плеском; тогда всхлипнет придорожный кустик да косматый вскочет прах. По вечерам припади ухом к дороге: ты услышишь, как растут травы, как поднимается большой желтый месяц над Целебеевом; и гулко так про-

тарарыкает телега запоздалого однодворца. Белая дорога, пыльная дорога; бежит она, бежит; сухая усмешка в ней; перекопать бы ее — не велят: сам поп намедни про то разъяснял... «Я бы, — говорит, — сам оттого не прочь, да земство...» Так вот проходит дорога тут, и никто ее не перекапывает. А то было дело: выходили мужики с заступами...

Смышленные люди сказывают, тихо уставясь в бороды, что жили тут испокон веков, а вот провели дорогу, так сами ноги по ней и уходят; валандаются парни, валандаются, подсолнухи лущат — оно как будто и ничего сперва; ну, а потом как махнут по дороге, так и не возвратятся вовсе: вот то-то и оно.

Врезалась она сухой усмешкой в большой зеленый целебеевский луг. Всякий люд гонит мимо неведомая сила — возы, телеги, подводы, нагруженные деревянными ящиками с бутылками казенки для «винополии»; возы, телеги, народ подорожный гонит: и городского рабочего, и Божьего человека, и «сицилиста» с котомкой, урядника, барина на тройке — валом валит народ; к дороге сбежались гурьбой целебеевские избенки — те, что поплоче да попоганее, с кривыми крышами, точно компания пьяных парней с набок надвинутыми картузами; тут и двор постоялый, и чайная лавка — вон там, где свирепое пугало шутовски растопырило руки и грязную свою из тряпок кажет метелку — вон там: еще на нем каркает грач. Дальше — шест, а там — поле пустое, большое. И бежит, бежит по полю белая да пыльная дороженька, усмехается на окрестные просторы, — к иным полям, к иным селам, к славному городу Лихову, откуда вся-

кий народ шляется, а иной раз такая веселая компания прикатит, что не дай Бог: на машинах — городская мамзель в шляпенке да стрекулист, или пьяные иконописцы в рубашках-фантазиях с господином шкубентом (черт его знает!). Сейчас это в чайную лавку, и пошла потеха; к ним это парни целебевские подойдут и, ах, как горланят: «За гаа-даа-ми гоо-дыы... праа-хоо-дяя-т гаа-даа... пааа-аа-гиб яяя, маа-аа-ль-чии-ии-шка, паа-гии-б наа-всии-гдаа...»

ДАРЬЯЛЬСКИЙ

В золотое утро Троицына дня Дарьяльский шел по дороге в село. Дарьяльский проводил лето в гостях у бабки барышни Гуголевой; сама барышня была наружности приятной весьма и еще более приятных нравов; барышня приходилась невестой Дарьяльскому. Шел Дарьяльский, облитый жаром и светом, вспоминая вчерашний день, проведенный отрадно с барышней и ее бабинькой; сладкими словами позабавил вчера он старушку о старине, о незабвенных гусарах и о всем прочем, о чем старушкам приятно вспомнить; позабавился сам он прогулкой с невестой по гуголевским дубровам; еще более он насладился, собирая цветы. Но ни старушка, ни гусары ее незабвенной памяти, ни любезные сердцу дубровы с барышней, более еще ему любезной, сегодня не возбуждали сладких воспоминаний: давил и душил душу жар Троицына дня. Сегодня не влек его вовсе и Марциал, раскрытый на столе и слегка засиженный мухами.

Дарьяльский — имя героя моего вам разве не примечательно? Послушайте, ведь это Дарьяльский — ну, тот самый, который сподряд два уж лета с другом снимал Федорову избу. Девичьим раненный сердцем два сподряд лета искал он способа наивернейшей встречи с барышней любимой здесь — в целебеевских лугах и в гуголевских дубровах. В этом он так обошел всех, что и вовсе на третье лето переселился в Гуголево, в бабинькину усадьбу, к баронессе Тодрабе-Граабеной. Ветхая днями старушка строгого была мнения насчет выдачи внучки за человека молодого, у которого, по ее мнению, ветер свистал не в голове только, но (что всего важнее) в карманах. Дарьяльский сызмальства прослыл простаком, лишившись родителей и еще ранее родительских средств: «бобыль бобылем!» — фыркали в ус степенные люди; но сама девица держалась иных мнений; и вот после длинного объяснения с бабкой, во время которого хитренькая старушка не раз корячилась на кресле, испивая воды, красавица Катя взяла да и бухнула напрямик целебеевским поповнам, что она — невеста, а Дарьяльский в богатейшую перебрался усадьбу с парком, с парниками, с розами, с мраморными купидонами, обросшими плесенью. Так юная красавица успела убедить ветхую старушку в приятных качествах прохожего молодца.

Дарьяльский сызмальства прослыл чудаком, но, говорят, такое прошел ученое заведение, где с десятков мудрейших особ из года в год невесть на каких языках неприличнейшего сорта стишки вместо наук разбирать изволят — ей-Богу! И охотник же был Дарьяльский до такого сорта стишков, и сам в них преуспевал;